

КОНСЕНСУС ИЩЕТ СТОЛИЦУ

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

«Вашингтонский консенсус» сложился вокруг методов обращения с другими странами. Соглашение не о том, что хорошо для Америки, а о том, что хорошо для всех остальных. Поэтому вопрос о новом глобальном консенсусе — это вопрос о полигоне для его испытания. Ему нужны новые поля для своего подтверждения.

Двадцать лет тому советская катастрофа создала такое новое поле. В Евразии возникла территория идеологической неопределенности. Никто не понимал, какая политика тут нужна, и вашингтонский консенсус оказался кстати. Зачем искать новую политику, когда уже есть консенсус относительно той, что приносит успех. Что такое консенсус в политике? Это успех, который повторялся более чем один раз в более чем одной стране при применении стандартных процедур. Место консенсуса складывается там, где ряд успехов позволяет говорить о стандартах политической эффективности. Но финансовый кризис прервал этот ряд, и вашингтонский консенсус распался, о чем известил нас английский премьер. Возникла новая неопределенность в вопросе стандартов.

Вашингтон и Москва — две безальтернативности

Как замечает ниже отец термина Джон Уильямсон, «вашингтонский

консенсус» — по сути, политика, отклоняющая альтернативы. Альтернативные доктрины рассматривались как «сумасшедшие». Это свойство консенсуса Москвой было встречено с восторгом. Падение коммунистической идеологии здесь виделось отказом от идейных альтернатив, исходом из мира ценностей в область «прагматизма» (термин, который признают с религиозным пиететом). В новой России термин «безальтернативность» из негативного клейма превратился в знак преимущества и эффективности власти. Новая Россия, общество антиидеологичное, антиценностное, предпочитающее безальтернативные политические решения. В Москве давно не формулируют принципов, испытывая недоверие к универсальным идеям как таковым.

Однако внутри страны консенсус есть, и он работает. Это внутренний консенсус. Он сложился вокруг альтернативы, заявленной Путиным, и действует по сей день. Вокруг него собралось и сохраняется значительное «путинское» большинство. Но мог ли путинский консенсус стать чем-то национальным — например, «московским консенсусом», о котором здесь говорится? Для этого ему пришлось бы начать договариваться о мировых стандартах эффективности.

Мюнхенская речь — попытка «московского консенсуса»

Можно вспомнить громкую Мюнхенскую речь Путина в 2007 году. Та, несомненно, была попыткой России заявить миру о новом глобальном консенсусе. Это не было всего лишь заявлением о суверенных интересах. Россия говорила от имени тех, кто исключен Америкой из управления современным миром, она выступала представителем *мира непризнанных*. Ярость встречной ре-

акции была связана с ее притязанием на роль нового, невашигтонского центра мирового соглашения. Всего через год мысль о приходе неамериканского мира была заявлена внутри Америки, а еще через год она стала общепринятой. Но путинская докризисная Москва не стала столицей нового консенсуса. Она говорила языком национальной силы и не предлагала другим альтернативы («многополярный мир» — реальность, но не альтернатива). Глобализм Буша отвергался, однако иной глобализм Россией предложен не был — даже для постсоветского пространства. *Это не был язык ценностей, это не был язык новых стандартов*. Доктринальная слабость Мюнхенской речи — не в радикализме ее риторики, а в непроработке стандартов политики для нового, постамериканского мира.

Лидерство и консенсус

Часто смешивают две вещи — «вашингтонский консенсус» и американское лидерство, но консенсус не всегда означает лидерство. Возвращение института глобального лидерства США маловероятно. У современной России мало представимых шансов на новое лидерство. И все же она может еще раз оказаться на перекрестке будущего консенсуса. Новое согласие иногда складывается в силу невозможности всех остальных. Например, при невозможности «пекинского консенсуса», которая представляется очевидной. Но можно ли оказаться центром согласия просто «по умолчанию»? Согласие необходимо производить. Российское государство само — перспективное глобальное «изобретение». Ей надо формулировать свои принципиальные основания, осознавать свои ценности, добиваясь согласия с другими мировыми проектами XXI века. Место встречи с другими и будет местом нового мирового консенсуса. ■